

Читайте в серии:

Элоиза Джеймс «Парижский флёр»

Рене Фройнд «Любовь среди рыб»

Ники Пеллегрино «До свидания, Рим!»

Сара Груэн «Время перемен»

Н.М. Келби «Белые трюфели зимой»

~ Сара Груэн ~

~ Время перемен ~

Москва
2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г90

Sarah Gruen

FLYING CHANGES

Copyright © 2005 by Sarah Gruen
This edition is published by arrangement with Emma Sweeney
Agency LLC and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *Л. Папилиной*

Художественное оформление *Е. Анисиной*

Груэн, Сара.
Г90 **Время перемен : [роман] / Сара Груэн ; [пер. с англ. Л. Папилиной].** — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Подарочная серия романов о любви).

ISBN 978-5-699-87429-3

Двадцать лет прошло с того момента, как Аннемари получила травму на скачках, и с тех пор все в ее жизни пошло кувырком. У нее есть любимый мужчина, но он не спешит делать предложение. А годы идут, ей уже почти сорок, и она очень боится не успеть устроить личную жизнь. А тут еще Ева, дочь-подросток, собирается пойти по стопам матери, стать ученицей знаменитой олимпийской чемпионки и участвовать в опасных соревнованиях. Аннемари в растерянности. Она не хочет, чтобы дочь повторила ее ошибки, но понимает, что должна дать ей шанс самой выбрать судьбу.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Папилина Л., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-87429-3

Как всегда, посвящается Бобу

Господь поймал пригоршню
южного ветра, согрел своим
дыханием и сотворил лошадь.

Бедуинская легенда.

Глава 1

Вздвогнув, как от удара, просыпаюсь и краткий миг все еще скачу верхом на Гарри. Гарри — моя эфемерная половинка, мой призрачный мальчик. Но в следующее мгновение веки вздрагивают и взгляд упирается в потолок. Я понимаю, что нахожусь не на спине Гарри, а лежу, свернувшись клубочком, под пуховым стеганым одеялом в холодной спальне в квартире, что расположена над конюшней, принадлежащей матери. Закрываю глаза и боюсь пошевелиться в надежде удержать видение и в этот раз все-таки уговорить Гарри не исчезать. Тщетно. Поводья, словно снег, тают в руках, и Гарри уносится галлопом вдаль, неуловимый, как порыв ветра. Я замираю, прислушиваясь к затихающему в вечности стуку копыт.

Клянусь Всевышним, я отчетливо его слышу.

В последнее время Гарри с завидной регулярностью приходит ко мне во сне. Удивительно, ведь очень долго он избегал встречи. Многие годы после его гибели я умирала от тоски и ночью, крепко смежив веки, словно кадры киноплёнки, прокручивала в памяти образы Гарри. Вот он с гордо поднятой головой и раздувающимися ноздрями скачет кентером по лугу, потом, прядая ушами, настороженно вдыхает принесенные ветром запахи. Гарри выбрасывает вперед изумительной красоты ноги,

как это делают американские верховые лошади... А я все ждала и надеялась пообщаться с Гарри хотя бы во сне.

Бесполезно. Несмотря на страстные мольбы и попытки удержать ускользающий образ, наступал критический момент, когда от меня уже ничего не зависело, и Гарри, или то, что от него осталось, в очередной раз исчезал в ином, неведомом мире, куда мне не было доступа. Пару раз Гарри все-таки приснился, хотя я и не ждала, но сон превратился в кошмар с неизменно повторяющейся сценой его гибели, когда много лет назад он разбился до смерти, пытаясь преодолеть препятствие.

Кошмары остались в прошлом, и теперь Гарри является ко мне совсем как живой, целый и невредимый. Только мне уже не восемнадцать, а тридцать девять. Иногда мы с ним скачем легким галопом по полю с колышущейся травой, а порой я стою рядом, и Гарри дышит мне в руку, приветствуя тихим ржанием. Случается, мы даже преодолеваем одно за другим препятствия, и ничто не нарушает четкого ритма.

Минуло более двадцати лет, а образ Гарри ничуть не потускнел и занимает в моих снах такое же место, как некогда в жизни.

Наверное, психолог скажет, что Гарри все эти годы был рядом, но только сейчас я позволяю ему навещать меня во сне. Что я наконец достигла состояния, когда могу думать о нем без разрывающей сердце боли. Да, пожалуй, психолог сделал бы именно такой вывод. Однако утверждать не могу, потому что визит к психологу в мои планы не входит.

Правда, Мутти и Дэн настоятельно рекомендуют обратиться к нему за консультацией. Не возьму в толк, что натолкнуло дорогих мне людей на эту мысль, но оба раза

Время перемен

их предложение вызывало в душе бурю возмущения, горькую обиду и злость. Я сразу же начинала мысленно проигрывать в памяти свои недавние поступки и слова, пытаюсь найти объяснение, почему окружающие считают меня чудачкой с большой дуриной. Однако позже, уединившись в спальне, где не было нужды обороняться от поползновений Мутти и Дэна, я вдруг обнаружила, что идея с посещением психолога меня явно заинтриговала. Разумеется, не настолько, чтобы рассматривать ее всерьез, и все же эта мысль прочно засела в голове. И тут я задумалась, какое мнение сложилось бы у психолога о моей персоне, рискни я к нему обратиться. Не самое полезное занятие для человека, склонного к копанию в себе и детальному анализу происходящего. Только остановить этот процесс не в моих силах. Нельзя отделаться от идеи фикс и извлечь ее из сознания, словно застрявший осколок.

Поселившийся в душе псевдопсихолог нашел объяснение регулярным появлениям Гарри в моих снах: мне удалось найти его брата, и это способствовало заживлению старой раны. Однако вторая половинка души свято верит, что Гарри непонятным образом нашел-таки способ ко мне вернуться, дает свое благословение и ликует по поводу того, что его братец по кличке Восторг жив, здоров и живет безбедно в конюшне, что находится внизу.

Я со вздохом обнимаю подушку, а сердце переполняет нежность, как в мечтах о возлюбленном. Это чувство останется со мной на весь день, и я благодарна за такой бесценный дар.

Ежась от холода, торопливо натягиваю джинсы, свитер и стеганный жилет. С вечера окно осталось приоткрытым, и сейчас изо рта вырываются облачка пара. У двери

на мгновение задерживаюсь и возвращаюсь к туалетному столику, чтобы пригладить щеткой всклокоченные после сна волосы. Потом приведу себя в приличный вид. Женщине, которой вот-вот стукнет сорок, нельзя, сорвавшись с кровати, нестись на улицу, не глянув в зеркало. Даже если точно знаешь, что никого не встретишь. Особенно когда имеешь шестнадцатилетнюю дочь, как моя Ева. Неухоженный вид матери повергает ее в уныние, и девочка утверждает, что в определенные моменты я похожа на кикимору болотную.

Только позавчера я вычистила щетку, но в ней опять полно волос. С треском выдираю спутанные клочья, словно открывается застежка на липучке. Придирчиво изучаю соотношение белокурых и седых волос. Слава богу, белокурых значительно больше! И все же подношу несколько волосков к свету, чтобы окончательно убедиться, что не ошиблась. Потом, наклонившись к зеркалу, тщательно рассматриваю лицо и волосы, оценивая общее впечатление.

В следующее мгновение я уже торопливо спускаюсь по лестнице, стуча сапогами по деревянным ступенькам. В конюшне еще холоднее, чем в квартире. Помещение обогревается, но не до температуры, предназначенной для дома, потому что лошади выходят на улицу без попона, и мы не хотим испортить им зимнюю шерсть. Я растираю руки, пытаюсь согреться, и проскальзываю в комнату для отдыха, которая отапливается отдельно. Устанавливаю терморегулятор на семьдесят четыре градуса и завариваю кофе.

А теперь наступает очередь утреннего тонизирующего средства.

Время перемен

Три-четыре раза в неделю, свежая и бодрая после снов, в которых меня навещает Гарри, я езжу верхом на его брате Восторге. На других лошадях езжу днем, обычно во время уроков, так как считаю, что лучше один раз показать ученикам, что именно следует сделать, чем десять раз рассказать. Восторг в это время находится в деннике. С ним я общаюсь наедине, так как это нечто очень личное, не предназначенное для посторонних глаз.

И вовсе не я делаю из этого историю, как утверждает Мутти. Переполох поднимают совсем другие люди, и в результате я утрачиваю способность вести себя как нормальный человек. Понимаю, что попала в порочный круг, а как вырваться, не соображу. Разве могу я ездить верхом на Восторге, точно зная, что окружающие изо всех сил стараются выискать у меня признаки маниакальной одержимости? Что они анализируют каждый взгляд, каждое движение? Учитывая прошлогодний случай, их нельзя судить слишком строго, но как бы там ни было, ездить на Восторге в присутствии посторонних зрителей я не могу.

Исключением являются рабочие на конюшне. При их появлении я не тороплюсь спешиться и поскорее отвести Восторга в денник. А все потому, что у этих людей хватает деликатности и такта не заострять внимание на моей персоне и уважать личное пространство другого человека. Рабочие не делают вид, что меня не замечают, а просто, поприветствовав кивком, отправляются по своим делам и оставляют наедине с лошастью. В знак благодарности я всегда слежу, чтобы по утрам к их приезду в комнате для отдыха было тепло и на плите поджидал кофейник с горячим кофе.

Моя лошадь. Эти слова звучат так сладко, что на глаза сразу же наворачиваются слезы. Вопреки всеобщему мнению, я точно знаю, о какой лошади идет речь. Возможно, Восторг и является двойником своего неповторимого именитого брата, но нрав у него совсем другой. Не устаю удивляться, какие они разные под седлом, а вернее, непосредственно подо мной, так как я всегда езжу без седла и без потника.

Если спросите почему, отвечу, что просто ленюсь седлать коня. Но причина кроется в другом и не имеет ничего общего с выработыванием красивой посадки. Хотя, как инструктор, я заставляю учеников регулярно тренироваться в езде на неоседланной лошади. На самом деле все объясняется очень просто: не хочу, чтобы между мной и лошадью находились посторонние предметы.

Колени и лодыжки плотно прижаты к теплomu мускулистому телу, руки, держащие поводья, чувствуют малейшее движение головы, и я угадываю все мысли Восторга. И чувствую себя очень умной. Да только Восторг умудряется прочесть мои мысли еще до того, как я успею подумать. Едва возникнет желание проехаться кентером, и Восторг уже выгибает дугой шею, подбирает задние ноги и, наклонившись вперед, скачет неторопливым плавным аллюром, предназначенным для арены, где проводятся соревнования по выездке. Этот аллюр выдает олимпийское прошлое лошади.

Я скачу на Восторге, вверяя ему себя всю без остатка. Верховом на этой лошади я становлюсь другим человеком. Откуда ни возьмись появляется уверенность и профессионализм, все движения выполняются автоматически и в полной гармонии с великолепным животным, на спине которого я сажу. Спешившись, ощущаю перепол-

Время перемен

няющую тело энергию, будто заново родилась. А теперь скажите, разве можно допустить, чтобы за этим священнодействием наблюдали чужие любопытные глаза? Все равно что заниматься любовью при свидетелях.

И вот сейчас я направляюсь к деннику, где уже ждет Восторг, а сердце в предвкушении встречи готово выпрыгнуть из груди.

Заворачиваю за угол и в замешательстве замираю при виде распахнутой двери. Не может быть! Вчера вечером я сама проверила всех лошадей. Осознав, что мне не померещилось и дверь в денник Восторга действительно открыта, срываюсь с места, но в следующее мгновение резко торможу и останавливаюсь как вкопанная.

Лучи восходящего солнца пробиваются через прутья решетки на окне, и столбы пыли клубятся в их холодном свете, словно сперматозоиды в чашке Петри. Но в деннике никого нет. Пусто.

Теряясь в догадках, верчу головой в разные стороны. Ворота, ведущие на улицу, закрыты, а значит, если дверь в деннике не закрыли на задвижку и Восторг непонятным образом умудрился выбраться наружу, он сейчас находится в конюшне. Только бы не добрался до бункера с кормом. Неумное воображение уже рисует распухшие воспаленные копыта и корчащееся в коликах тело лошади.

Я лечу к помещению, где находятся бункеры для подачи корма, но дверь туда заперта.

Ладно, причин для паники нет. Восторг вырвался на свободу, но, разумеется, не раздулся от обжорства и не повредил ноги.

В растерянности пробегаю по всем проходам и, не обнаружив лошади, устремляюсь на манеж. Восторга там

тоже нет. Прерывистое дыхание учащается, выдавая растущую панику. Я несусь стремглав по коридору, где хранится снаряжение. Не могу поверить, что Ева без разрешения вывела Восторга на улицу, но других вариантов не остается.

Шлем, принадлежащий дочери, висит на крючке рядом с седлом. Вскрикнув от ужаса, прикрываю ладонью рот.

Восторга похитили! А что прикажете думать? Если ворота на улицу закрыты? Вот только...

Бегу к воротам, прислушиваясь на ходу к тихим, напоминающим икание звукам. Похоже, они вырываются у меня изо рта, хотя я ничего не чувствую. Однако другого источника шума поблизости нет.

На улице гаснет последняя теплившаяся в душе искорка надежды. Разумеется, рабочие не могли подъехать незаметно. И с какой стати им выводить из денника одного Восторга, а потом запирают ворота, оставив лошадь на улице?

В ужасе застываю на месте.

Надо сбросить оцепенение и срочно вызвать полицию. Только телефона нет под рукой. Я бегу к дому, где можно по крайней мере рассчитывать на поддержку Мутти.

Пыхтя, напрягаю почти сорокалетние ноги и взбираюсь на пригорок. На полдороге, среди мертвой тишины, откуда-то слева раздается стук копыт, отдающийся громовыми ударами в голове. Я останавливаюсь и поворачиваюсь на звук, вглядываясь в два поля, где порядочной лошади просто нечего делать. Оба поля мы оставляем на осень под покос, чтобы сэкономить на покупке сена. Дает о себе знать скупость Мутти, над которой я потешалась,

Время перемен

но недолго, когда намеревалась взять бразды правления конюшной в свои руки.

Сейчас, в конце марта, порыжевшая стерня скорее похожа на солому, превратившуюся в слегка тронутую морозом, придавленную снегом, плоскую узорчатую ткань. Правда, сам снег уже сошел, но земля еще остается промерзшей. Гулкие удары копыт отбивают четырехтактный ритм галопа и становятся все громче благодаря слегка вогнутой поверхности поля. Они раздаются со всех сторон, но источника не видно. Я вообще не могу ни черта разглядеть, так как рваные клочья тумана и спустившиеся на отдых низкие облака скрывают поле.

Затаив дыхание, всматриваюсь и изо всех сил стараюсь не моргать. В конце концов знакомый звук рано или поздно должен материализоваться в лошадь. Бац! Из густого облака выплывает кентавр! Вернее, моя дочь верхом на моей лошади, без седла и без шлема! От природы белокурые, но в данный момент иссиня-черные волосы Евы развеваются за спиной. Округлив плечи, она погоняет Восторга и несется галопом во весь опор, будто следом гонится орда диких кочевников. Похоже, она не замечает только что побеленного деревянного забора, которым огорожено наше пастбище, и скачет прямо на него.

Душа уходит в пятки, и сердце останавливается. Не могу ни дышать, ни кричать.

«Ева, опомнись и посмотри на забор», — мысленно умоляю я. Ради всех святых, пусть она увидит проклятый забор! Ну же, Ева!

В следующее мгновение меня осеняет: Ева прекрасно видит забор, смотрит прямо на него, так же как и Восторг. Моя дочь намерена с галопа преодолеть преграду